

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ГЮИ ДЕ-МОПАСАНА

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ
И
БИОГРАФІЕЙ-ХАРАКТЕРИСТИКОЙ.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ IV.

Издание Ѳ. И. БУЛГАНОВА.

1908 г.

LANTZLEFF

Типографія И. В. Шестаковского, СПб. Загородный пр., 15.

РQ 2349
 ААР8
 1906
 к. 1-5

Оглавление IV-го тома.

	Стр.
Разказы:	
Пьяница	1
Преступленіе дяди Вонифація	9
Трусъ	17
Денисъ	29
Осель	39
Идиллія	52
Веровочка	59
Человѣкъ, кружку пива!	69
Крестины	78
Сожалѣніе	85
Мой дядя Жюль	93
Въ пути	104
Дикая	113
Натурщица	123
Убийца	133
Лауреатъ добродетели г-жи Гюссонъ	141
Баронесса	165
Окно	172
Продажа	181
Одиссея проститутки	189
Исповѣдь	198
Неудача	208
Разводъ	219
Не бѣшенство-ли?	231
Вѣрѣча	242
Получилъ орденъ	255
Самоубійства	264
Шали	272
Проклятый хлѣбъ	287
Бекасы	296

ПЬЯНИЦА.

Разсказъ въ переводѣ Л. С. Павликовой

Дуль бурный сѣверный вѣтеръ, гоня по небу громадныя зимнія тучи, тяжелыя и черныя, которыя, проносясь, лили на землю ужасающіе потоки воды.

Разсвирѣпѣвшее море ревѣло и сотрясало берегъ, обрушивая на него громадныя волны, которыя разбивались съ громомъ, подобнымъ пушечнымъ выстрѣламъ. Высокія, какъ горы, онѣ медленно шли другъ за другомъ, разсѣивая въ воздухѣ, при взрывахъ вѣтра, бѣлую пѣну своихъ гребней, какъ потъ какихъ-нибудь чудовищъ.

Ураганъ завывалъ въ маленькой долинкѣ Геппора, свистѣлъ и стоналъ, срывая съ крыши черепицу, обрывая ставни, снося дымовыя трубы, врываясь въ улицы съ такой силой, что ходить можно было только возлѣ стѣнъ, а попадаись на улицѣ дѣти, они были бы подняты, какъ листья, и перекинуты въ поле черезъ крыши.

Рыболовныя суда были вытянуты на сушу, изъ опасенія, что полнымъ приливомъ море снесетъ все, а нѣсколько матросовъ, укрыв-

шихся за корпусомъ судовъ, лежавшихъ на боку, смотрѣли на эту ярость неба и воды.

Мало по малу матросы стали расходиться, такъ какъ спускавшаяся на бурю ночь, окутывала мракомъ обезумѣвшій океанъ и всю сумятицу, производимую разъяренными стихіями.

Только два изъ нихъ, засунувъ руки въ карманы, закругливъ спины навстрѣчу бушующему вѣтру, падвинувъ на глаза парусиновыя шапки, оставались на берегу. Это были два рослыхъ нормандскихъ рыболова, обросшіе косматой бородой, съ кожей, опаленной соленымъ вѣтромъ открытаго моря, съ голубыми глазами и черными точками въ ихъ центрѣ, этими пронизывающими глазами моряковъ, которые видятъ самый край горизонта не хуже любой хищной птицы.

Одинъ изъ нихъ сказалъ: Ну, Еремѣй, идемъ. Побалуемся въ домино. Я плачу.

Другой нѣсколько колебался передъ искушеніемъ, зная, что онъ опять напьется до пьяна, если попадетъ къ Помеллѣ, и смущаясь мыслью о женѣ, которая оставалась въ лачугѣ одна.

— Да что ты, объ закладъ что-ли побился, что будешь напавать меня каждый вечеръ, сказалъ онъ.

— Скажи на милость, что тебѣ за корысть платить за меня каждый разъ?

И тѣмъ не менѣе, онъ улыбался при мысли о всей той водкѣ, которую выпилъ на счетъ другого, — улыбался довольной улыбкой нормандца, чувствующаго себя въ барышахъ.

Матюренъ, его товарищъ, не переставалъ тянуть его за руку.

— Ну, да идемъ, Еремѣй. Не такой это вечеръ, чтобъ возвращаться домой, не заливъ

брюха чѣмъ-нибудь горяченькимъ. Чего ты трусишь? Нешто жена - то не согрѣеть тебѣ постель?

Еремѣй отвѣчалъ:

— Прошлый разъ я такъ и не нашелъ своей двери. Меня вытащили изъ ручья передъ нашимъ домомъ.

И онъ опять засмѣялся при этомъ воспоминаніи пьяницы и покорно направился къ харчевнѣ Помеллы, освѣщенное окно которой сіяло издали. Онъ шель, подтягиваемый Матюренемъ и подталкиваемый вѣтромъ, не въ состояніи противиться этимъ двумъ силамъ.

Низкая комната была полна матросами, дымомъ и криками. Всѣ эти люди, одѣтые въ парусину, поставивъ локти на столъ, кричали, чтобъ разслышать другъ друга. Чѣмъ больше набиралось посѣтителей, тѣмъ громче приходилось орать въ этомъ хаосѣ звуковъ отъ голосовъ и стука домино по мрамору.

Еремѣй и Матюренъ помѣстились въ углу и начали партію, а стаканчикъ за стаканчикомъ стали опрокидываться въ ихъ глотки.

Время шло, и они играли новыя партіи, опустошали новые станчики. Матюренъ все подливалъ, подмигивая хозяину харчевни, толстому человѣку, красному, какъ огонь, и такъ весело настроенному, какъ будто онъ зналъ тайну какой-то давно задуманной продѣлки; а Еремѣй поглощалъ алкоголь, моталъ головой, пускалъ раскаты смѣха, подобнаго рычанію, уставившись на своего партнера съ глупымъ и довольнымъ видомъ.

Всѣ посѣтители мало по малу разошлись. И каждый разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ, уходя, открывалъ наружную дверь, вѣтеръ

порывисто врывался въ харчевню, клубами поднималъ тяжелый табачный дымъ, раскачивалъ цѣпи лампъ и колебалъ ихъ пламя; и сразу становились слышными глухіе удары разбивающейся волны и завываніе вѣтра.

Еремѣй сидѣлъ съ разстегнутымъ воротомъ, принимая пьяныя позы: то вытянетъ ногу, то въ безсиліи свѣситъ одну руку, держа въ другой кости домино.

Наконецъ, они остались одни, и хозяинъ подошелъ къ нимъ, обнаруживая живой интересъ.

— Ну, что Еремѣй, — спросилъ онъ, — какъ тамъ у тебя дѣла? Освѣжила-ли тебя поливка?

Чѣмъ больше льешь, тѣмъ суше, — вотъ какъ тамъ дѣла, — промычалъ Еремѣй.

Трактирщикъ съ лукавымъ видомъ посмотрѣлъ на Матюрена и спросилъ:

— А гдѣ теперь твой братъ, Матюренъ?

— „Въ тепломъ мѣстѣ, будь благонадеженъ.“

И оба перевели глаза на Еремѣя, который съ побѣдоноснымъ видомъ ставилъ двойную шестерку, говоря: „Идетъ старшой“.

Когда партія была кончена, хозяинъ сказалъ:

— Знаете, ребята, мнѣ пора и на боковую. Оставляю вамъ лампу и еще одинъ литръ. Тамъ до краевъ будетъ на 20 су. Запри дверь снаружи, Матюренъ, и подсунь ключъ, какъ въ прошлый разъ.

— Не безпокойся. Знаю, отвѣчалъ Матюренъ.

Помелла пожалъ руки своимъ запоздалымъ гостямъ и тяжелыми шагами сталъ подниматься по деревянной лѣстницѣ наверхъ. Нѣсколько минутъ гулъ отъ его грузныхъ шаговъ раздавался по дому; потомъ скрипъ кровати подъ

его тяжестью оповѣстиль о томъ, что онъ улегся въ постель.

Два моряка продолжали играть. Время отъ времени сильный порывъ вѣтра колыхаль дверь, заставляя содрогаться стѣны, и тогда оба игрока поднимали головы, словно ожидая, что кто-нибудь войдетъ. Послѣ этого Матюренъ бралъ бутылку и наполнялъ стаканъ Еремѣя. Но вотъ, часы на конторкѣ пробили двѣнадцать. Ихъ дребезжащій звукъ напоминалъ звонъ отъ двухъ столкнувшихся кастрюль и долго гудѣлъ со звонкостью стараго желѣзнаго лома.

Матюренъ тотчасъ поднялся, какъ матросъ, караульная служба котораго кончилась.

— Идемъ, Еремѣй, пора по домамъ.

Тому подняться было не такъ-то легко, и онъ всталъ, опираясь о столъ; потомъ подошелъ къ двери и открылъ ее, а товарищъ тѣмъ временемъ потушилъ лампу.

Когда они вышли на улицу, Матюренъ закрылъ заведение и сказалъ:

— Ну, доброй ночи, до завтра. И исчезъ въ темнотѣ.

Еремѣй сдѣлалъ три шага, потомъ пошатнулся, вытянулъ руки, уперся въ стѣну, которая помогла ему удержаться на ногахъ, и пошелъ, виляя на ходу во всѣ стороны. Минутами порывъ вѣтра, забывая въ узкой улицѣ, толкалъ его впередъ, и онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ; когда же вѣтеръ утихалъ, онъ сразу останавливался, лишившись посторонняго двигателя, и снова начиналъ раскачиваться на своихъ непокорныхъ ногахъ пьянаго.

Онъ шелъ къ своему дому по инстинкту, какъ птицы летять къ гнѣзду. Наконецъ, онъ узналъ свою дверь и началъ шарить по ней,

ища замочную скважину, чтобы вставить въ нее ключъ.

Скважина не находилась, и онъ вполголоса ругался.

Потомъ онъ сталъ стучать въ дверь кулакомъ, взывая къ женѣ, чтобы она помогла ему.

— Мелина! Эй, Мелина!

Такъ какъ онъ наваливался на дверь всей тяжестью, то она подалась и распахнулась, а Еремѣй, потерявъ опору, влетѣлъ въ комнату и упалъ посрединѣ, уткнувшись носомъ въ полъ. При этомъ онъ почувствовалъ, какъ что-то тяжелое прошло по его тѣлу и исчезло въ темнотѣ.

Онъ лежалъ безъ движенія, остолбенѣвъ отъ страха, не помня себя отъ ужаса передъ нечистой силой, мертвецами, всѣмъ непонятнымъ, что таится въ потемкахъ, и долго не рѣшался пошевелиться.

Когда же онъ убѣдился, что въ комнатѣ все тихо, къ нему вернулось кое-какое сознаніе, смутное сознаніе пьянаго. И онъ тихонько поднялся и сѣлъ. Выждавъ еще нѣсколько времени, онъ, наконецъ, отважился позвать:

— Мелина!

Жена не отвѣчала.

Тогда вдругъ подозрѣніе сразу охватило его затуманенный мозгъ,—подозрѣніе смутное неясное. Онъ не шевелился; продолжая сидѣть на полу, въ потьмахъ, онъ старался собрать мысли, цѣпляясь за обрывки какихъ-то соображеній, неустойчивыхъ, какъ его ноги.

Онъ опять обратился къ женѣ:

— Говори, кто это былъ, Мелина? Скажи мнѣ, кто это? Я тебѣ ничего не сдѣлаю.

Онъ помолчалъ. Никто не отозвался изъ темноты. Тогда онъ сталъ разсуждать вслухъ:

— Я пьянъ, это вѣрно! Я пьянъ! Это онъ накачалъ меня такъ, оболтусъ; это онъ, чтобъ я не шелъ домой. Я пьянъ.

И потомъ опять:

— Говори, кто это былъ, Мелина, или я надѣлаю бѣдъ.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ съ тупой и упрямой логикой пьянаго:

— Это онъ держалъ меня у бездѣльника Помеллы; и вчера тоже, чтобъ я не шелъ домой. Это все пашни! А! Стерва!

Съ трудомъ онъ приподнялся на колѣни. Имъ овладѣвала глухая злоба, смѣшиваясь съ угаромъ винныхъ паровъ.

И онъ снова повторялъ:

— Говори, кто это былъ, Мелина, или я начну тебя бить,—впередъ говорю!

Онъ уже стоялъ на ногахъ, дрожа отъ злобой ярости, какъ будто пропитавшій его тѣло спиртъ загорѣлся въ его жилахъ. Онъ сдѣлалъ шагъ, наткнулся на стулъ, схватилъ его, сдѣлалъ еще шагъ, уперся въ кровать, ощупалъ ее и почувствовалъ тамъ теплое тѣло своей жены.

Тогда, обезумѣвъ отъ бѣшенства, онъ зарычалъ:

— А! погавь, ты тутъ, а голоса не подаешь!

И, поднявъ стулъ, зажатый могучей рукой моряка, онъ махнулъ имъ передъ собой съ необузданной свирѣпостью. На кровати раздался крикъ, отчаянный, раздирающій. Тогда онъ принялся колотить стуломъ, какъ цѣпомъ на гумнѣ. И скоро на кровати прекратились всякіе признаки движенія. Стулъ разлетѣлся въ куски, но

одна изъ ножекъ осталась у него въ рукѣ, и онъ продолжалъ молотить, тяжело переводя духъ.

— Скажешь-ли ты, кто тутъ былъ въ такое время?

Мелина не отвѣчала.

Тогда, сраженный усталостью, дойдя въ своемъ неистовствѣ до состоянія скота, онъ опять сѣлъ на полъ растянулся и заснулъ.

Когда на слѣдующее утро одинъ изъ сосѣдей, замѣтивъ открытую дверь, вошелъ, онъ увидалъ на полу Еремѣя, который храпѣлъ среди валявшихся обломковъ отъ стула, а на кровати мѣсиво изъ мяса и крови.

Преступленіе дяди Вонифатія.

Разсказъ въ переводѣ Л. С. Павлиновой.

Въ тотъ день разносчикъ писемъ, Вонифатій, вышелъ изъ почтовой конторы съ мыслью, что на этотъ разъ его обходъ будетъ не такъ продолжителенъ, какъ обыкновенно, и ощутилъ при этомъ живую радость. На его обязанности лежала разноска писемъ по деревнямъ, расположеннымъ вокругъ села Вирвилля, и иной разъ, возвращаясь вечеромъ большими усталыми шагами домой, онъ чувствовалъ въ ногахъ болѣе сорока километровъ.

Итакъ, разноска кончится скоро; по пути онъ даже можетъ позволить себѣ пройтись для собственнаго удовольствія и вернется домой около 3 часовъ пополудни. Какое благополучіе!

Онъ вышелъ изъ села по дорогѣ къ Сенне-мору и приступилъ къ исполненію обязанности.

Стоялъ юнь, зеленый и цвѣтущій,—настоящій мѣсяцъ луговъ. Письмоносецъ въ синей блузѣ и черномъ кепи съ краснымъ околышемъ, проходилъ по узкимъ межамъ, по плечи зарытый въ зелени полей, засѣянныхъ рѣпой, овсомъ и пшеницей, а голова его, возвышаясь надъ колосьями, словно плыла по тихому, зе-

ленѣющему морю, мягко волнующемуся подъ напоромъ легкаго вѣтра.

Онъ входилъ на ферму черезъ деревянную калитку, вдѣланную въ земляной оградѣ, обрамленной двумя рядами буковъ и, подавая хозяйну газету „Маленькій нормандецъ“ привѣтствовалъ его, называя по имени:

„Добрый день, Шико“. Фермеръ обтиралъ руку о штаны, получалъ газету и засовывалъ ее въ карманъ, чтобъ прочесть на досугѣ, послѣ полдника.

Собака, обитавшая въ боченкѣ, прислоненномъ къ поникшей яблонѣ, рвалась съ цѣпи, заливаясь неистовымъ лаемъ, а почтарь, не обернувшись, шелъ обратно своей военной походкой, вытягивая длинныя ноги, лѣвой рукой придерживая сумку, а правой опираясь на палку, которая, какъ и онъ, двигалась неустанно и спѣшно.

Онъ роздалъ всю печатную и письменную корреспонденцію по деревнѣ Сеннемору и двинулся въ путь черезъ поле, чтобъ занести газету сборщику податей, который жилъ въ маленькомъ домикѣ, одиноко стоявшемъ въ одномъ километрѣ отъ села. Это былъ новый сборщикъ, г. Шапати, прибывшій на прошлой недѣлѣ и недавно женатый.

Онъ получалъ газету, издающуюся въ Парижѣ, и, если время позволяло, Вонифатій иногда заглядывалъ въ нее, прежде чѣмъ отдать по назначенію.

Такъ и теперь, онъ открылъ сумку, вынулъ листокъ, снялъ бандероль, развернулъ и началъ читать на ходу. Первая страница его вовсе не интересовала; къ политикѣ онъ былъ равноду-

шенъ; всегда пропускалъ отдѣлъ финансовъ, но зато къ хроникѣ питалъ настоящую страсть.

А хроника на этотъ разъ изобиловала происшествіями. По поводу одного преступленія, совершеннаго въ жилищѣ лѣснаго сторожа, онъ до того взволновался, что остановился среди клевера, чтобъ перечестъ сообщеніе повнимательнѣе. Подробности были ужасны.

Одинъ дровосѣкъ, проходя утромъ мимо сторожки лѣсника, увидалъ на порогѣ слѣды крови, какъ будто у кого-то шла кровь носомъ.

Должно быть, сторожъ убилъ ночью кролика, подумалъ онъ. Однако, подойдя ближе, онъ замѣтилъ, что дверь была приоткрыта, и замокъ сломанъ. Тогда, въ испугѣ, онъ побѣжалъ въ село сообщить объ этомъ старшинѣ, который взялъ себѣ на помощь сельскаго стражника и учителя, и всѣ четверо явились на мѣсто происшествія.

Они нашли лѣсника передъ каминомъ, съ перерѣзаннымъ горломъ, жену его удушенной въ постели, а ихъ маленькую дочь, 6 лѣтъ, задушенной между двумя тюфяками.

Почтарь Вонифатій былъ до того потрясенъ этимъ злодѣяніемъ, отвратительныя подробности котораго раскрывались передъ нимъ шагъ за шагомъ, что почувствовалъ слабость въ ногахъ и громко произнесъ:

— Боже правый! Есть же на свѣтѣ этакіе негодяи!

Затѣмъ онъ вложилъ газету въ бандероль и пошелъ дальше, поглощенный мыслью о совершенномъ злодѣйствѣ. Скоро онъ дошелъ до дома г. Шапати, открылъ калитку небольшого садика и подошелъ къ дому. Это было низенькое строеніе въ одинъ этажъ, съ чердакомъ подъ